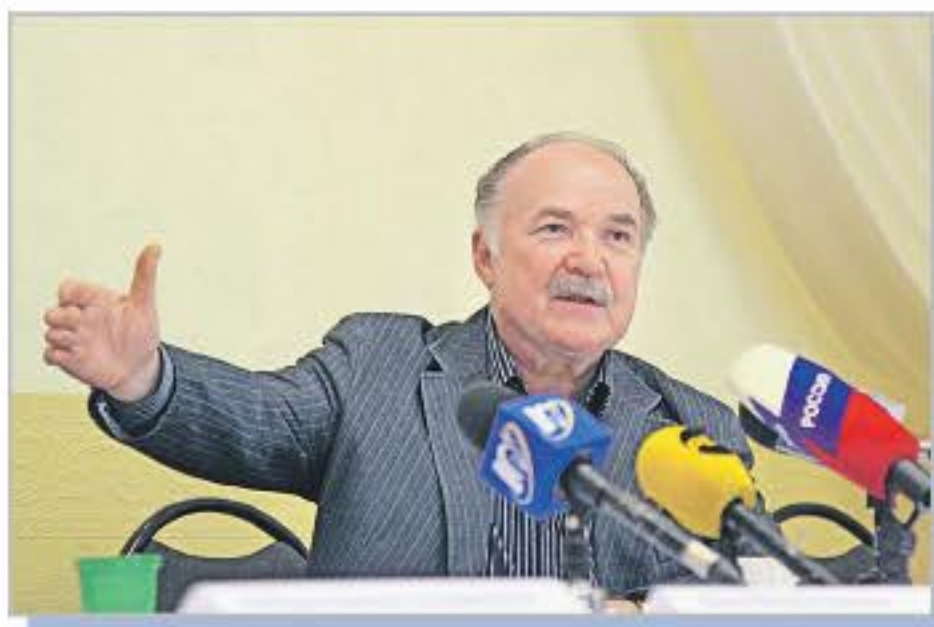

Николай ГУБЕНКО:

Я родился в катакомбах Одессы, во время бомбежки

Заместитель Председателя Мосгордумы Николай Губенко рассказывает о своем военном детстве, поисках пропавшего без вести отца, автобиографичности ролей и сценариев, а также о том, что должна знать молодежь о великом подвиге своих дедов и прадедов.

- Вы ребенок войны. Каким было детство? Часто ли вспоминаете военные годы? Что было самым страшным?

- Я родился в августе 41-го года. Но, несмотря на то, что мое детство было лишено привычных для ребенка составляющих: родительской ласки, любви, нежности, заботы, у меня сохранились самые лучшие воспоминания. Видимо, так устроена детская психика, что чувство самосохранения в моем случае сыграло главную роль в судьбе маленького Коли Губенко. Наверное, дедушка и бабушка заботились, старшая сестра, с которой мы жили первые годы. Из своего раннего детства, лет до пяти, я практически ничего не помню, есть только какие-то отрывочные смутные воспоминания, скорее похожие на сны. Запомнилась печь в нашем доме, которую жарко топил дедушка. Он, кстати, был совершенно потрясающий маляр. Его услуги пользовались большим спросом после войны. Помню большую кровать, трех своих старших сестер, по которым я ползал еще младенцем. Я самый младший в нашей семье, пятый ребенок. Помимо сестер, у меня был и брат. Мои сестры выросли в приемных семьях, за исключением старшей сестры, которая фактически меня воспитывала. Сестрам и брату после усыновления дали другие фамилии, я узнал об этом только в 16 лет.

Когда мне исполнилось шесть, дедушка отдал меня в детдом, затем была военнизированной спецшкола-интернат с углубленным изучением иностранных языков. С третьего класса мы уже вслепую разбирали винтовку, изучали разные виды оружия. Часто ли я вспоминаю военные годы? Я их стараюсь не вспоминать. Для меня этот период жизни не был страшным. Самые лучшие мои воспоминания - это детство, природа, люди, которые меня окружали. Несмотря на жесткую дисциплину, особенно памяты школьные годы своим товариществом, дружбой, братством. Пусть и не материнским, отцовским теплом, но теплом наших воспитателей и педагогов, знавших, что такое война и понимающих, каково быть ребенку одному.

Был еще один памятный эпизод из детства. Я даже хотел снять его в своем фильме «Подранки», но мне не дали это сделать. Как дети погибших мы ходили за хлебом. За этими пайками выстраивались огромные очереди. Дед

держал меня на руках и громко говорил: «Пропустите ребенка погибшего офицера». И нас всегда пропускали.

- Ваш отец погиб на фронте еще до рождения своего сына. Маму вы потеряли тоже очень рано. Остались ли в памяти воспоминания о том, какой она была? Что знаете о своем отце?

- Отца своего я вообще не видел, он ушел добровольцем на фронт незадолго до моего рождения. Он был бортмехаником тяжелого самолета.

Матери я тоже не могу помнить, потому что ее повесили оккупанты, когда мне было всего 11 месяцев. Осталась фотография родителей - молодых и красивых, их портрет висит в моем рабочем кабинете. До 16 лет я ждал своего отца, поскольку он числился пропавшим без вести. Потом я перестал надеяться, хотя всю жизнь папа был для меня именно пропавшим, а не погибшим. И только два года назад мне наконец удалось найти информацию о нем. Мне прислали копию документа, в котором сообщается, что отец погиб в бою 19 января

1942 года. Найденные достоверные сведения об отце явились для меня самым большим подарком последних лет.

- Тема войны является одной из доминантных в вашем творчестве. Причем во многих работах вы выступаете как актер, режиссер, сценарист. Насколько сложно работать над фильмами и спектаклями, когда речь идет о военных проектах? Даете волю эмоциям? Или закалка в интернате не позволяет взять верх чувствам?

- Практически в каждой своей картине я кланяюсь поколению, которое сохранило меня и таких, как я, детей, в том числе полных сирот. Нас было 19 миллионов. Государство, а также те фронтовики, кто вернулся с войны живым, отказывали себе во многом ради того, чтобы молодую поросль вывести в люди и сделать профессионалами своего дела. Почти в каждом фильме у меня присутствует тема войны. И в последней картине - «Запретная зона», и

он просто влюбил нас всех в английский язык. Он прожил почти 90 лет, и до конца его жизни мы старались помогать ему, а он каждому из своих учеников писал каллиграфическим почерком поздравления на английском языке. У нас были потрясающие педагоги. Среди них - Михаил Михайлович Шершеневич, он преподавал географию. Он едва ли не пешком обошел весь мир. Причем учителя наши в большинстве своем - бесребреники, которым чуждо было стяжательство. Для меня интернат - это такая огромная семейная община, в которой царил взаимное уважение. Хотя были люди, которых мы ненавидели за жестокость. Когда подобные вещи происходили, мы писали коллективные письма Сталину. Вскоре приходила комиссия, разбиралась с нашей жалобой, и педагога увольняли. Но повторюсь, это счастливейшие годы для меня.

Так сложилось, что за 3 года до моего выпуска из интерната Никитой Хрущевым было сокращено 300 тысяч военнослужащих. В том числе был закрыт и военный институт иностранных языков. Так что по этой стезе пойти не получилось. Кстати, любовь к английскому сохранилась до сих пор. Даже мечтаю, когда отойду от всех дел, займусь усовершенствованием своих познаний этого языка и вновь возобновлю практику чтения книг англоязычных авторов в подлиннике.

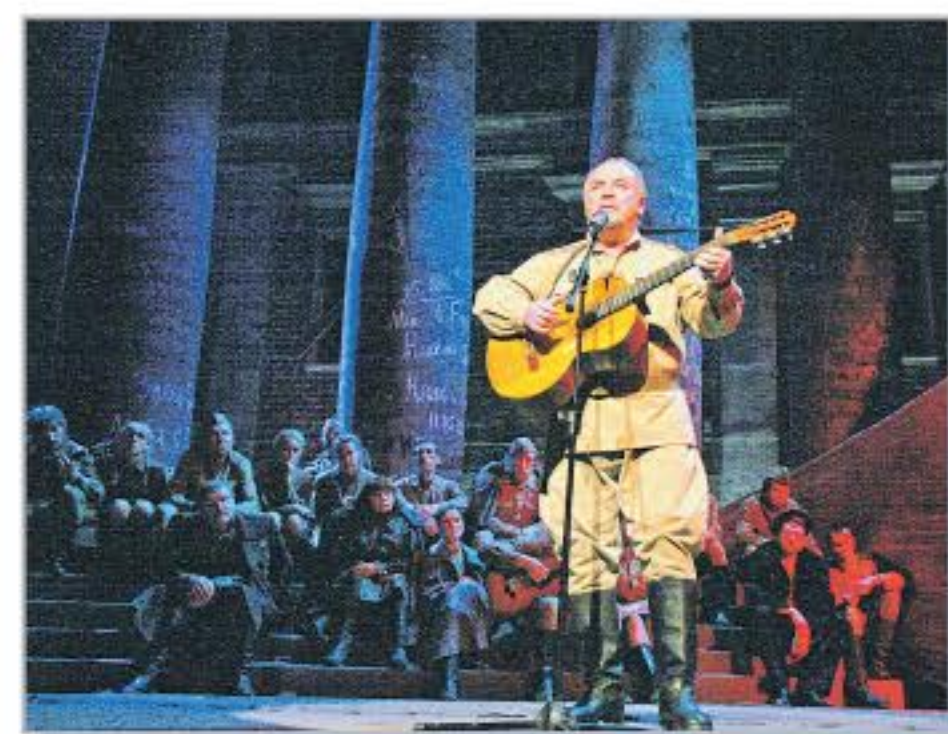
- Какие работы в кино и театре особенно дороги? Насколько они автобиографичны?

- История, рассказанная

в «Подранках», в достаточной степени автобиографична. Главный герой картины во время войны теряет родителей и попадает в детский дом. Конечно, присутствует и вымысел. Я бы сказал, соотношение 50 на 50. И, конечно же, все работы мне дороги. Я не отличаю удачу от неудачи. В каждую картину вложены страшные физические и душевные силы. Я тугодум по натуре, поэтому не торопился выпускать фильмы. Снимал раз в 4 года, а хотелось еще реже. Было желание поездить по нашей стране, посмотреть огромную семейную общину, в которой царил взаимное уважение. Хотя были люди, которых мы ненавидели за жестокость. Когда подобные вещи происходили, мы писали коллективные письма Сталину. Вскоре приходила комиссия, разбиралась с нашей жалобой, и педагога увольняли. Но повторюсь, это счастливейшие годы для меня.

- В репертуаре театра «Содружество актеров Таганки» представлены военные спектакли. Расскажите об этих постановках. Как их принимают современные зрители?

- Для меня это святая тема. Как это ни банально звучит, она у меня в крови. Ведь я родился в катакомбах Одессы, во время бомбежки.

Наши отцы и деды - гениальное поколение, перед которым надо стоять все время на коленях. Сейчас в театре две постановки на военную тематику - «4 тоста за Победу» и «Афган».

Изначально спектакль «4 тоста за Победу» включал в себя чудесную мизансцену. Зал театра рассчитан на 650 мест. Мы накрывали каждый второй ряд свежеструганой доской, там же устанавливались столы. На них перед началом действия расставляли тарелки с картошечкой, курочкой, селедочкой. Ну и, конечно, куда без водочки. Для женщин ставили вино. Все это сопровождалось исполнением лучших песен и стихов военного времени. Зрители сначала отогревались, потом начинали заказывать то, что им хотелось услышать. Затем выходили на сцену и сами начинали петь, читать стихи, плясать. И пока все не доедали, не допиливали, не доплакивали, никто не расходился. Но со временем спонсоры перестали помогать, и мы превратили «4 тоста за Победу» в драматический спектакль.

Сейчас в зале на наших военных постановках очень много именно молодежи. Эти спектакли входят в городскую программу патриотического воспитания. Начинается все возгласами типа «вау» и даже свистом. Но проходит 3 - 5 минут, и в зале устанавливается мертвая тишина. Многие подростки сегодня не знают ничего о Великой Отечественной войне. Кто такой Левитан, Симонов, Сталин, какие потрясающие советские стихи. Молодежь открывает все это для себя. И в финале спекта-

кля в зале просто гром аплодисментов. Артистов долго не отпускают. Молодые люди не знают не только про Отечественную, но и про афганскую войну. Спектакль «Афган» - уникален. Он основан на письмах ребят с фронта. Это единственная постановка на территории бывшего СССР, посвященная теме «афганцев». «4 тоста за Победу» также один из немногих спектаклей, повествующих о Великой Отечественной войне. Поэтическим языком о войне и вовсе говорится только с нашей сцены. Считаю, что в театре мы делаем большое дело, рассказывая зрителям правду о войне.

- Как оцениваете современные фильмы о войне, которые в последние годы стали активно сниматься, в том числе и молодыми режиссерами. Чего в них больше - правдивости или зрелищности?

- На ваш взгляд, что должны знать о Великой Отечественной войне современные дети, подростки, молодежь?

- Я сторонник того, чтобы эти фильмы были прежде всего правдивы. Из современных нравится кинолента «Звезда». У режиссера Никиты Михалкова военная тематика - это в первую очередь зрелищное «американо». Я сторонник рассмотрения каких-то человеческих отношений, судеб, а не гигантских полотен с масштабными боевыми действиями. Таких картин сейчас очень мало, к сожалению. Лучше того, что было хорошего в советском кинематографе, в том числе, на тему войны, сложно создать. Никто так не работает с актерами, как прежнее поколение. Пожалуй, только Михалков приближается к этому уровню. Ничего равного старым фильмам по отражению правды и действительности о войне в наше время не снято. Происходит это по одной простой причине. Изменилась идеология страны. Подспудно идет забвение подвига, совершенного поколением ветеранов, предательство лучших советских устоев, таких, как взаимовыручка, способность делиться последним куском хлеба. Это все ушло. Пришла эпоха стяжательства, накопительства, зрелищности, продажи орденов и медалей на рынках. Это сказывается и на художниках. Они ищут сейчас не правдивости отражения, а возможности попасть на международный фестиваль и снять кассовый фильм.

- На ваш взгляд, что должны знать о Великой Отечественной войне современные дети, подростки, молодежь?

- Они должны знать правду. Вместо этого о блокаде Ленинграда в учебнике истории Александра Кредера всего несколько сухих строк, в которых указывается лишь количество погибших. Но ведь это не имеет никакого отношения к ежедневному подвигу ленинградцев. Молодежь не помещают в атмосферу того, что было. Эти крошечные пайки, замерзшие люди на выстуженных улицах, седьмая симфония Шостаковича, написанная в жуткий холод и голод. В этом учебнике даже о «Дороге жизни» ничего не сказано. Такого быть не должно.

Наталья БУРМИСТРОВА.